

DOI: 10.31696/S086919080033015-3

ТУВИНЦЫ МОНГОЛИИ: СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА АНКЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ¹

© 2025

Ж.М. ЮША ^а

^а – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Резюме: В статье рассмотрены результаты полевых исследований, проведенных автором среди тувинского населения в Монголии в 2005, 2011, 2019, 2023 и 2024 гг. Показаны особенности функционирования анклавной традиции тувинцев Монголии в современное время. Согласно нынешней территории расселения, тувинское население, проживающее в Монголии, можно разделить на три группы: тувинцы-скотоводы северо-западной Монголии; тувинцы-оленьеводы региона Хубсугуля; тувинцы, переселившиеся в центральную Монголию. Приведены сведения о численности монгольских тувинцев на основе их собственных подсчетов. Охарактеризованы современные проблемы внутренней миграции тувинцев из сомона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака в центральную Монголию, вызванные различными социально-экономическими проблемами. На основе полевых материалов выделены три волны в миграционных процессах тувинского населения. Первая волна началась в 1970-е гг. по призыву монгольской социалистической партии; вторая – с начала 2000-х гг.; третья – с 2010 г. по настоящее время. Установлено, что причинами переезда монгольских тувинцев в центральную Монголию являются следующие факторы – уменьшение пастбищных угодий в местах их исконного проживания в сомоне Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака и прилегающих его территорий; проблемы тувинского населения с трудоустройством; низкая стоимость продуктов животноводства в Баян-Ульгийском аймаке; обучение в Цэнгэлской средней школе некоторых учебных предметов на казахском языке, что приводит к плохому владению государственным языком тувинских школьников; транспортная удаленность мест проживания от центра и отсутствие современного медицинского обслуживания. Рассмотрены вопросы языковой ситуации тувинского населения, степень бытования и функции родного языка в тувинском анклаве, уровень его сохранности и по-степенной его утери в иноэтничном окружении. У некоторых переселенцев в центральную Монголию отмечены трансформации кочевой жизни, которые выражаются в переходе на оседлость и занятия земледелием. Выявлены положительные и негативные стороны внутренней миграции среди тувинского населения, оцениваемые самими переселенцами.

Ключевые слова: тувинцы Монголии, анклавная традиция, иноэтничное окружение, современное расселение, миграционные процессы, языковая ситуация

Для цитирования: Юша Ж.М. Тувинцы Монголии: современная специфика анклавной традиции. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 217–226. DOI: 10.31696/S086919080033015-3

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии», <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>

TUVANS OF MONGOLIA: MODERN SPECIFICS OF THE ENCLAVE TRADITION²

© 2025

Zhanna M. YUSHA^a

^a – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Science, Saint-Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Abstract: *The article presents the results of field research conducted by the author among the Tuvan population of Mongolia in 2005, 2011, 2019, 2023, and 2024. The features of the Tuvan enclave tradition in modern Mongolia are shown. The Tuvan minority of Mongolia can be divided into three groups: cattle keepers of Northwestern Mongolia, reindeer herders of the Khovsgol region and migrants to Central Mongolia. The author characterizes current problems of internal migration of Tuvans from the Tsengel somon of the Bayan-Ulgii aimag to central Mongolia caused by various socio-economic problems. Based on field data, three waves have been identified in the migration processes of the Tuvan population. It is established that the move of Mongolian Tuvans to central Mongolia stems from the following factors: reduction of pasture lands in the places of their original residence in Tsengel somon of Bayan-Ulgii aimag and adjacent territories; unemployment issues; low cost of livestock products in Bayan-Ulgii aimag; Kazakh-language education in some subjects in secondary school, which causes Tuvan schoolchildren to lack proficiency in the state language; low accessibility to the center and lack of modern medical care. The article outlines the issues of the language situation among the Tuvan population, degree of distribution and functions of the native language in the Tuvan enclave, level of its preservation and its gradual loss in a foreign ethnic environment. Some of the Tuvan migrants in central Mongolia noted that nomadic life has recently been transforming, manifesting in the transition to a settled way of life and farming.*

Keywords: Tuvans of Mongolia, enclave tradition, foreign ethnic environment, modern settlement, migration processes, language situation

For citation: Yusha Zh.M. Tuvans of Mongolia: Modern Specifics of the Enclave Tradition. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 217–226. DOI: 10.31696/S086919080033015-3

В настоящее время тувинский этнос проживает в трех странах: России, Монголии и Китае. Монгольским тувинцам посвящена научная литература в области языка, истории, фольклора и этнографии; среди монгольских тувинцев наиболее изученными являются цэнгэльская и ховдинская группы [Аранчын, 1975; Маннай-оол, 1995; Таубе, 1975; 1994; Монгуш, 1983; 2002; Уламсуренгийн, 2003; Бадарч, 2009; Баярсайхан, 2009; Гансукх, 2009; Ragagnin, 2011, Юша, 2012 и др.]. Однако до настоящего времени отсутствуют обобщающие монографии и сравнительные исследования, в которых проанализированы общие и отличительные этнолокальные особенности тувинских групп; отсутствуют комплексные исследования, дающие полное представление о тувинском анклав Монголии, сохранившего в иноэтничном окружении родной язык и традиционную культуру во всем многообразии диалектных особенностей.

² The reported study was funded by Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659 “Turkic-Mongolic world of Inner Asia: linguistic, historical, ethno-cultural processes in diachrony and synchrony”, <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>

Тувинцы Монголии родиной своих предков считают территорию Тувы; в своей речи Туву они до сих пор называют Большой Тувой, объясняя это тем, что в ней живет основная масса тувинцев. В последние годы в связи с безвизовым режимом между РФ и Монголией, тувинцы Монголии активно поддерживают этнокультурные и образовательные связи с российскими тувинцами. Монгольские тувинцы успешно интегрированы в социальную, культурную и экономическую систему своей страны. Во многих культурных и образовательных диалогах между Республикой Тыва и Монголией зарубежные тувинцы выступают трансляторами двух культур – тувинской и монгольской.

Термины «анклав», «анклавная традиция» (вариант «островная традиция») в гуманитарной науке успешно применяются по отношению к отколовшимся частям одного этноса, проживающим среди численно преобладающего иноэтничного окружения в зарубежных странах, когда основная масса этноса проживает в стране выхода анклава и в основном имеет территориальное образование. В данной работе пример монгольских тувинцев позволит показать общие и отличительные особенности анклава в условиях современных миграций под влиянием новых социально-экономических условий жизни и быта.

Цель данной статьи – рассмотрение специфики анклавной традиции монгольских тувинцев, характеристика современного расселения тувинцев, выявление процессов внутренней миграции и причины ухода тувинцев из Цэнгэла, анализ современной языковой ситуации. Источниками исследования выступают материалы экспедиционных исследований, проведенных в 2005, 2011, 2019, 2023 и 2024 гг. среди тувинского населения Монголии.

СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ

По историческим сведениям, в 1757 г. после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей «тувинцы, кочевавшие южнее линии монгольских караулов и получившие наименование “алтайские урянхайцы”, оторвались от основной массы тувинцев и оказались в составе Западной Монголии. Часть этнических тувинцев, обитавших в Баян-Улгэйском и Кобдинском аймаках, переселилась на территорию современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики» [Маннай-оол, 2004, с. 115]. В период господства Маньчжурской империи (1757–1911 гг.), тувинские и монгольские племена, расселенные на Монгольском и Китайском Алтае, были разделены на 7 хошунов. Эти же хошуны в свою очередь были сгруппированы в две большие области: Зуункар (букв. «правая рука») и Баруункар (букв. «левая рука») [Namkamidog, 2009].

На сегодняшний день тувинцы, проживающие в Монголии, составляют шесть этнолокальных групп, которые расселены в Баян-Ульгийском (с. Цэнгэл, с. Баян-Ульгий), Дархан-Уул (с. Орхон, г. Дархан), Сэлэнгинском (с. Хушаат, с. Зуунбурэн, с. Алтанбулаг), Ховдинском (с. Буянт, г. Ховд), Хубсугульском (с. Цагаан-Нуур) и Тов аймаках (с. Заамар, с. Батсумбер) (рис. 1–2)³. Кроме этого, в крупных городах Монголии Улан-Баторе и Эрдэнэте численность постоянно проживающих тувинцев составляет более 100 семей в каждом городе.

В монгольских архивных источниках тувинцы Монгольского Алтая в XIX в. обозначены алтайскими урянхайцами [Алтайн тувачуудын цадиг оршив, 2015]. В наши дни достоверных сведений о численности тувинского населения не имеется, поскольку они в паспортах записаны монголами. На сегодня этнических тувинцев Монголии по их собственным подсчетам насчитывается около 20 тыс. чел., вопрос о реальной численности монгольских тувинцев до сих пор остается не до конца выясненным [Монгуш, Бадарч, 2019], хотя с нача-

³ Рис. 1–2 см. на цветной вклейке.

ла 1990-х гг. у тувинцев появилась возможность указывать свою родовую принадлежность, чем и воспользовались тувинцы.

Согласно территории современного расселения, тувинский анклав условно можно разделить на три большие группы: 1) тувинцы-скотоводы, проживающие в северо-западной Монголии; 2) тувинцы-оленоводы⁴ региона Хубсугуля; 3) тувинцы-скотоводы и земледельцы, переселившиеся в центральную Монголию.

К первой группе относятся тувинцы Баян-Ульгийского (сомон Сенгел) и Ховдинского аймаков (сомон Буянт, г. Ховд), которые проживают в пределах территории исторического расселения до начала XX в. В этих районах основная хозяйственная деятельность тувинского населения – отгонное скотоводство.

Вторую группу составляют тувинцы-оленоводы Хубсугула, которые являются выходцами из Тоджи и Тере-Холя Республики Тыва, у которых традиционным занятием до настоящего времени является оленеводство. Данная группа тувинцев по образу жизни и хозяйственно-культурному типу существенно отличается от тувинцев-скотоводов. В местах их кочевок в Хубсугульском аймаке до настоящего времени большое значение имеет территориальное и родоплеменное разделение в зависимости от исходного пункта Тувы. Так, в Восточной Тайге (*Чоон Тайга*) живут тувинцы из Тоджи, в Западной Тайге (*Барыын Тайга*) – выходцы из Кунгуртуга, которые и на территории Тувы занимались разведением оленей. По историческим данным, до начала XX в. территория Хубсугульского аймака входила в состав Тувы, однако Всетувинский учредительный хурал 13–16 августа 1921 г. провозгласивший создание Тувинской Народной Республики (Танну-Тыва Улус), постановил исключить Хубсугульский (Хасутский) хошун из состава Тувы [Маннай-оол, 1995, с. 57].

К третьей группе относятся тувинцы, дисперсно расселенные в центральной части Монголии в Дархан-Уул, Сэлэнгинском и Тов аймаках, которые являются выходцами из сомона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака. В наши дни основными их занятиями являются скотоводство, а также земледелие, что было не характерно для хозяйственно-культурного типа тувинцев. Следует отметить, что до 1970-х гг. этнические группы тувинцев в этой части страны никогда не проживали.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Среди тувинского населения Монголии происходят активные процессы внутренней миграции, начало которой было положено в конце XX в. В зависимости от времени переезда тувинцев из материнского анклава в центральный регион страны, выделяются три волны миграций. Первая волна миграций началась в 1970-е гг. под лозунгом освоения новых земель страны по призыву Монгольской социалистической партии. В это время впервые тувинские семьи массово стали переезжать из Цэнгэла в Дарханский, Сэлэнгэнский и Тов аймаки, где плотность местного населения было довольно низкой. Как отмечают исследователи, переезд усугублялся и тем, что «в 1963 г. самостоятельный тувинский сумон был ликвидирован и объединен с казахским сумоном, в результате чего казахи лишили тувинцев не только рабочих мест, но и плодородных пастбищ, без которых дальнейшее пребывание их в этих краях теряло смысл. В поисках работы многие тувинские семьи свыше 1100 чел. покинули Цэнгэл» [Монгуш, Бадарч, 2019, с. 60].

По воспоминаниям старшего поколения, тувинцы, оставшиеся в сомоне Цэнгэл, к этой ситуации отнеслись критично, многие не приняли переезд соплеменников на чужбину. Считали, что малочисленному народу надо держаться вместе на своей исторической ро-

⁴ Монголы называют их цаатанами (от монг. цаа – олень, цаатан – оленевод); самоназвание этноса – туха, один из фонетических вариантов слова тыва (тувинец / тувинка).

дине. В эти же годы «многократные попытки цэнгэлских тувинцев обратить внимание правительства Монголии на свое бедственное положение в течение длительного времени не приносили желаемых результатов. В начале 1990-х гг. они написали письмо президенту Тувы с просьбой предоставить им право на постоянное жительство в Туве. Из-за невозможности решить этот вопрос на республиканском уровне (для этого требуется разрешение федеральных органов) письмо было переадресовано в вышестоящие инстанции в Москве, откуда ответа не последовало» [Монгуш, Бадарч, 2019, с. 60–61].

На возникшую проблему разрозненности тувинского этноса обратил внимание всемирно известный тувинский писатель Чинагийн Галсан – выходец из Цэнгэла. В 1995 г. по его инициативе и на его личные средства было организовано возвращение в Цэнгэл тувинского населения, проживающего в центральной Монголии, которое продлилось в течение месяца. Этот процесс вызвал в стране большой резонанс – писали местные средства массовой информации; немецкими документалистами был снят фильм о возвращении тувинцев в Цэнгэл. Среди тувинцев переезд был назван *Улуг коьш* (Великий переезд), что указывает на значимость этого события для самих тувинцев. «Благодаря этому прецеденту отток тувинского населения временно прекратился» [Монгуш, Бадарч, 2019, с. 61].

По нашим полевым материалам, в 1995 г. небольшая часть тувинцев Заамара и Батсумэра (Тов аймак), Хушаата, Алтанбулага (Сэлэнгинский аймаг), переехавшая из Цэнгэла в центральный регион в 1970-ые гг., отказалась переезжать на малую родину. Свою позицию переселенцы объяснили тем, что они уже обосновались на новых местах проживания, удовлетворены своим материальным благосостоянием.

Вторая небольшая волна миграции тувинцев в центральные аймаки также была связана с возросшей безработицей, нестабильными экономическими условиями, ухудшением жизни и быта. Она началась примерно с начала 2000-х гг. Тувинцы, которые вернулись на родные земли в 1995 г., так и не смогли обустроиться на родной земле, для скотоводов актуальными оставались и вопросы пастбищных угодий, что их подвигло на новый переезд.

Третья, более масштабная волна миграционного потока, связанная с неудовлетворенностью материальным положением, коррумпированностью местной власти, ухудшением социально-экономических условий, началась в 2010-е гг. и продолжается по настоящее время. Из тех людей, что вернулись в родные земли в 1995 г. во время Великого переезда, на 2023 г. не осталось ни одной тувинской семьи. В наши дни количество тувинцев, уезжающих в центральные аймаки Монголии, увеличилось, несмотря на определенные трудности получить не только разрешения новых властей для переезда на новое место жительства, но и права сняться с учета в Цэнгэле. Как рассказывали тувинские животноводы, в случае переезда из Цэнгэла им продавать там скот крайне невыгодно, поэтому чабаны перегоняют скот в течение месяца до нового места жительства, чтобы там выгодно продать большую часть пригнанного скота.

В настоящее время по подсчетам самих тувинцев, в сомоне Зуунбурэн Сэлэнгинского аймака проживают около 100 тувинских семей, в Орхоне Дархан-Уул аймака более 200 семей, в с. Хушааты Сэлэнгинского аймака – 65 семей, в г. Дархане – 25 семей, в г. Эрдэнэте – более 100 семей, в с. Батсумбер Тов аймака – 150 семей, в с. Заамар – 150 семей. Кроме этого, на золотых приисках Люнг и Доскун, расположенных на территории Тов аймака, работают несколько десятков тувинцев, но точное их число неизвестно.

В наши дни тувинцы-переселенцы, проживающие в центральной части страны, оказались оторванными от Цэнгэла – исторической родины. Если там они прежде соседствовали с преобладающим казахским населением, наиболее близким по языку, то в новых условиях они оказались рядом с монгольским населением, идентичным по религиозной

принадлежности к буддизму, но отличным по языку. Как считают сами тувинцы, для них приверженность другому этносу к буддизму и шаманизму является важным фактором.

У тувинских представителей всех трех миграционных волн не происходит полного растворения в принимающем сообществе. У большей части тувинцев Селенгинского и Дарханского аймаков основной хозяйственной деятельностью является земледелие (выращивание различных овощных культур), поскольку эти районы Монголии считаются поставщиками овощеводческих культур в крупные города страны – Улан-Батор, Дархан и Эрдэнэт. Поэтому в данном регионе из-за нехватки пастбищных угодий тувинцы содержат меньше скота, чем у них обычно принято. Они говорят, что «держат несколько голов скота только на пропитание».

Основными причинами миграций тувинцев из исконных территорий является совокупность нескольких факторов. Главным из них переселенцы считают уменьшение пастбищных угодий в местах их исконного проживания в Цэнгэле. Существуют проблемы и с трудоустройством населения, поскольку тувинская молодёжь, получившая образование в столичных вузах, не находит применения в родном сомоне; они не видят возможностей для карьерного роста. Среди других причин тувинцы называют и языковую проблему, поскольку считают, что их детям необходимо на хорошем уровне знать государственный язык Монголии. Как отмечают респонденты, в Цэнгэльской средней школе учебные предметы зачастую преподаются на казахском языке, что приводит к плохому владению монгольским языком тувинских школьников. Родители подчеркивают необходимость владения своих детей монгольским языком, поскольку уверены, что без хорошего знания государственного языка их дети не смогут поступить в средние и высшие учебные заведения страны.

Отмечается и низкая стоимость продуктов животноводства, особенно мяса крупного и мелкого рогатого скота в Баян-Ульгийском аймаке, по сравнению с центральным регионом страны. Также актуальным вопросом является транспортная удаленность от центра и труднодоступность Баян-Ульгийского аймака. Немаловажное значение имеет и отсутствие лечебных клиник, врачей узких специализаций, а также современной инфраструктуры.

В результате миграционных процессов в кочевой жизни тувинцев происходят определенные трансформации. Так, в настоящее время у тувинцев Сэлэнгинского и Дархан-Уул аймаков основная хозяйственная деятельность – выращивание овощных культур. В последние годы для Монголии данный вид хозяйства является прибыльным бизнесом, поэтому многие скотоводы-тувинцы нередко становятся оседлыми земледельцами. В связи с этим обстоятельством для тувинцев, переселившихся в центральную Монголию в Дархан-Уул и Сэлэнгинский аймаки, скотоводство постепенно теряет актуальность, дети вырастают без скотоводческих навыков, что в дальнейшем может привести к смене хозяйственно-культурного типа тувинцев, проживающих в центральной Монголии.

Необходимо отметить и то, что переселенцы поддерживают тесные отношения со своей малой родиной, в которой остались их близкие родственники, друзья и соплеменники. Как правило, в летнее время они ездят в гости в Цэнгэл к своим родным и нередко можно услышать от них фразу: «*Чуртка чорааш келдивис*» – «Ездили на родину», что наглядно демонстрирует их отношение к родной земле. Обычно люди, съездившие на родину, обязательно делятся со своими соплеменниками последними новостями и впечатлениями от поездки.

Тувинские дети, родившиеся в центральных аймаках в 1980-ые гг. и ставшие взрослыми людьми, родной землей считают всё равно Цэнгэл – историческую родину своих родителей, поскольку жива коллективная память, а также представления о том, что именно оттуда их родители ведут свое происхождение, там с давних пор проживали их предки. Среди людей молодого и старшего поколения, независимо от времени их переезда, устойчивыми оказа-

лись обрядовые тексты, посвященные поклонению Монгольскому Алтаю как сакральному объекту. Данная ситуация имеет место быть, несмотря на то, что горная система Алтай расположена на территории Цэнгэла, а в новых условиях проживания тувинского населения присутствуют другие географические объекты.

Последствия миграционных процессов видны и на уровне материального благополучия тувинских семей. Большинство опрошенных нами тувинцев подчеркивали позитивные изменения в образе жизни семьи (близость мест проживания к столице; материальная обеспеченность членов семьи; возможность денежного заработка; доступное медицинское обслуживание; возможность иметь сезонную работу). Однако в нескольких ответах звучат своего рода ностальгические настроения, которые характеризуются в следующих категориях: тоска по родной земле, удаленность от родственников, невозможность бывать там чаще, переживания о будущей судьбе покинутой ими земли. У тувинских переселенцев, оказавшихся в изоляции от своей основной группы, заметны элементы вариативности традиционной культуры, сохранения этнической идентичности у старшего поколения, желание передать культурное наследие предков своим детям.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Родной язык монгольских тувинцев считается одним из диалектов тувинского языка. По классификации Н.А. Баскакова, он относится к уйгуро-тюкуйской подгруппе уйгуро-гузской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков [Баскаков, 1969, с. 315–323].

Функционирование родного языка среди этнических тувинцев Монголии зависит от ряда факторов, и на сегодняшний день языковая ситуация выглядит весьма различной. В большей степени родной язык сохраняется у тувинцев сомона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака, среди них носителями тувинского языка являются люди всех возрастных категорий. Сохранению языка способствует и то, что в сомоне Цэнгэл имеется начальная школа, в которой тувинские дети до третьего класса обучаются родному языку; для них присущи не только устные, но и письменные навыки родной речи. Несмотря на малочисленность цэнгэльских тувинцев, родной язык выполняет важные задачи: коммуникативную – функцию общения; конструктивную – функцию формирования мысли; экспрессивную – функцию выражения мысли; аккумулятивную – функцию накопления и хранения знаний, так как на родном языке тувинцы проводят все семейно-бытовые, календарные и похоронно-поминальные обряды, исполняют и передают в устной форме фольклорные произведения. Кроме этого, родной язык все еще служит как один из главных этнических признаков для выявления традиционной оппозиции «свой / чужие». Однако следует признать, что тувинцы родным языком пользуются исключительно дома или с соплеменниками, что совпадает с языковой ситуацией тувинцев Китая [Юша, 2012; 2013].

Цэнгэльские тувинцы в отличие от остальных тувинских групп, соседствуя с численно преобладающим казахским населением, наравне с монгольским и родным языками, свободно владеют и казахским языком, относящимся к родственной группе тюркских языков. Однако, как отмечают сами цэнгэльские тувинцы, уровень владения монгольским языком у них довольно средний из-за того, что в Баян-Ульгийском аймаке, где доля казахского населения довольно высокая, ежедневное общение происходит на казахском языке и поэтому отсутствует разговорная практика на монгольском.

Тувинцы Ховдинского и Хубсугульского аймаков в языковом отношении являются билингвами, знающими тувинский и монгольский языки. Однако в последние годы у тувинского населения данных регионов уровень владения родным языком стремительно падает. Из-за отсутствия тувинских школ дети тувинцев обучаются в монгольских школах,

литература на тувинском языке для них недоступна. Большинство людей моложе 20 лет слабо владеют разговорной практикой тувинского языка; они как в кругу семьи, так и со своими соплеменниками, в основном общаются на монгольском языке. В последние годы родной язык остается прерогативой людей старшего поколения, которые всё ещё проводят обрядовые практики на тувинском языке, общаются между собой на родном языке.

У тувинцев, расселенных в центральной Монголии, знание родного языка зависит от фазы переселения семьи в этот регион. Как отмечают сами тувинцы, во время первой волны миграции в 1970-ые гг. в иноэтничном окружении старшее поколение плохо владело монгольским языком. Сегодняшние пожилые люди – это поколение, которое переехало в детстве из Цэнгэла. Они учились в монгольской школе, росли среди монгольских детей, поэтому не владеют разговорной практикой на родном языке в полной мере. Однако у данной группы тувинцев можно отметить пассивное понимание родного языка, некоторые из них, родившиеся и выросшие вне исторической родины, могут легко воспринимать на слух родной язык, поскольку на родном языке общается старшее поколение как среди соплеменников, так и в домашних условиях, и на нем проводятся обряды, которые устраивают уважаемые старейшины. Как мы заметили во время полевой работы, многие молодые тувинцы стараются выучить тувинский язык, родную речь стараются записать, как они ее слышат, то есть без соблюдения каких-либо орфографических правил. Вообще в условиях иноэтничного окружения в тувинской речи отмечаются случаи языковой интерференции вследствие взаимодействия с языками соседних народов.

Переселенцы третьей волны (с 2010 г. по настоящее время) достаточно хорошо владеют тувинским языком, знают тонкости родной речи, для них тувинский язык является родным, впитанным с молоком матери. В условиях монголоязычного окружения у тувинцев-переселенцев на первых порах бывают некоторые трудности с монгольским языком, поскольку в Цэнгэле монгольская языковая практика была не повседневной. Однако через несколько лет тувинцы овладевают монгольским языком на хорошем уровне. В сомоне Орхон тувинец 25 лет во время нашего интервью признался, что пять лет назад, когда он переехал с родителями из Цэнгэла, он плохо знал монгольский язык, только со временем ему удалось его выучить.

Как отмечалось выше, цэнгэльские тувинцы, кроме родного и монгольского языков, владеют казахским. У тувинских переселенцев центрального региона степень владения казахским также зависит от времени ухода из Цэнгэла, поскольку у них там были ежедневные языковые контакты с казахским населением. У детей тувинцев первой волны миграции (1970-ые гг.) отмечена полная утрата казахского языка; второй волны – частичная утрата казахского языка, третьей волны – свободное владение казахским языком. Как признавалась тувинка (1960 г.р.), которая в детстве с родителями из Цэнгэла переехала в Заамар, сейчас она уже не воспринимает на слух казахскую речь, хотя в детстве она хорошо знала этот язык.

Во время полевых исследований нам рассказывали, что некоторые молодые тувинцы стесняются прилюдно разговаривать между собой на родном языке. Это свидетельствует о непрестижности тувинского языка для молодых его носителей. Главной причиной многие опрошенные тувинцы называли мелодическую похожесть для носителей монгольского языка и его диалектов тувинской и казахской речи. По мнению респондентов, именно эта причина вызывает нежелание некоторых тувиноязычных носителей, по религиозным и культурным аспектам склонных отождествлять себя с монголами и считать их родственным народом, говорить на родном языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что тувинцы Монголии в настоящее время кроме исторической территории расселены в шести аймаках дисперсно и в условиях численного преобладания иноэтничного населения. Несмотря на то, что они живут в отрыве от материнского этноса, и невзирая на такие негативные факторы, как отсутствие национально-территориальной государственности, официальное причисление к монголам, устная форма бытования родной речи, они до настоящего времени сохраняют свою традиционную культуру, язык и идентичность. Описанные три волны миграционных процессов среди тувинцев происходили под влиянием социально-экономических условий жизни и быта, миграции были вынужденными мерами для улучшения качества жизни. В результате миграций создаются вторичные анклавные территории на других территориях, в некоторых случаях отменяются трансформации кочевой жизни, которые выражаются в переходе на оседлость и в занятиях земледелием. Языковая ситуация характеризуется постепенной утратой молодым поколением родного языка, влиянием монгольского языка на тувинский. Перспективными аспектами дальнейшего исследования является всестороннее изучение анклава монгольских тувинцев, общности их традиций с тувинцами России и Китая, рассмотрение этнокультурного взаимодействия тувинского и монгольских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии. *Учёные записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 17. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1975. С. 202–218. [Aranchyn Yu.L. New Ethnographic and Philological Materials from Northwestern Mongolia. *Uchenye zapiski TNIIYALI* (= *Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies*). Vol. 17. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1975. Pp. 202–218 (in Russian)].

Баярсайхан Б. *Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте)*. Дис. ...канд.филол.наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2009 [Bayarsaikhan B. Vocabulary of Animal Husbandry in the Tsengel Dialect of the Tuvan Language (in a comparative aspect). PhD Thesis. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 2009 (in Russian)].

Баскаков Н.А. *Введение в изучение тюркских языков*. М.: Высшая школа, 1969 [Baskakov N.A. *Introduction to the Study of Turkic Languages*. Moscow: Vysshaya shkola, 1969 (in Russian)].

Гансук Х. *Морфологические особенности глагола в речи жителей Цэнгэла*. Дис. ...канд.филол.наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2009 [Gansuh Kh. *Morphological Features of the Verb in the Speech of the Residents of Tsengel*. PhD Thesis. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 2009 (in Russian)].

Маннай-оол М.Х. Тувинцы Монголии: традиции и современность. *Учёные записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 18. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1995. С. 56–61 [Mannai-ool M.Kh. Tuvans of Mongolia: Traditions and Modernity. *Uchenye zapiski TNIIYALI* (= *Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies*). Vol. 18. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, Pp. 56–61 (in Russian)].

Маннай-оол М.Х. *Тувинцы: Происхождение тувинского народа*. Новосибирск: Наука, 2004 [Mannai-ool M.Kh. *Tuvans: Origin of the Tuvan People*. Novosibirsk: Nauka, 2004 (in Russian)].

Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии. *Вопросы тувинской филологии*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1983. С. 127–145 [Mongush D.A. About the Language of Tuvans of Northwestern Mongolia. *Issues of Tuvan Philology*. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1983. Pp. 127–145 (in Russian)].

Монгуш М., Бадарч Б. Казахи и тувинцы Монголии: этнографический очерк. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 3. С. 59–64 [Mongush M., Badarch B. Mongolia's Kazakhs and Tuvans: Ethnographic Sketch. *Asia and Africa today*. 2019. No. 3. Pp. 59–64 (in Russian)].

Монгуш М.В. *Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы. История и современность*. Новосибирск: Наука, 2002 [Mongush M.V. *Tuvans of Mongolia and China. Dispersed Ethnic Groups. History and Modernity*. Novosibirsk: Nauka, 2002 (in Russian)].

Таубе Э. Изучение фольклора у тувинцев МНР. *Советская этнография*. 1975. № 5. С. 106–112 [Taube E. Study of Folklore of the Tuvans of the Mongolian People's Republic. *Soviet Ethnography*. 1975. No. 5. Pp. 106–112 (in Russian)].

Таубе Э. *Сказки и предания алтайских тувинцев*. М.: Восточная литература РАН, 1994 [Taube E. *Tales and Legends of the Altai Tuvans*. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1994 (in Russian)].

Уламсуренгийн Ц. *Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003 [Ulamsurengiyn Ts. *Examples of Folklore and Speech of the Kobdo Tuvans*. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 2003 (in Russian)].

Юша Ж.М. Фольклор тувинцев Китая и Монголии (по результатам полевой работы 2011 г.) *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 3. С. 24–29 [Yusha Zh.M. Folklore of the Tuvinians of China and Mongolia (based on the results of the fieldwork in 2011). *Siberian Philological Journal*. 2012. No. 3. Pp. 24–29 (in Russian)].

Юша Ж.М. Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая. *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 2. С. 56–62 [Yusha Zh.M. Present-day functioning of the folklore tradition of Tuvinians of China. *Siberian Philological Journal*. 2013. No. 2. Pp. 56–62 (in Russian)].

Алтайн тувачуудын цадиг ориив (Архивын баримтын эмхэтгэл) = Алдай тывазының төөгүзүнүн чыындызы. Сост. Б-О. Баатархуу, Г. Золбаяр. Улаанбаатар: б/и, 2015 [History of the Altai Tuvans. Collection of Archival Data. B-O. Baatarhuu, G. Zolbayar (comp.) Ulaanbaatar: w/p, 2015 (in Mongolian)].

Namkamidog. Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaochoa yu yanjiu. 新疆图瓦人社会文化田野调查与研究. Beijing: w/p, 2009 [Namkamidog. Social Culture of Tuvans in Xinjiang. Beijing: w/p, 2009 (in Chinese)].

Ragagnin E. *Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia Description and Analysis*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮША Жанна Монгеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Zhanna M. YUSHA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.

Иллюстрации к статье Ж.М. Юша

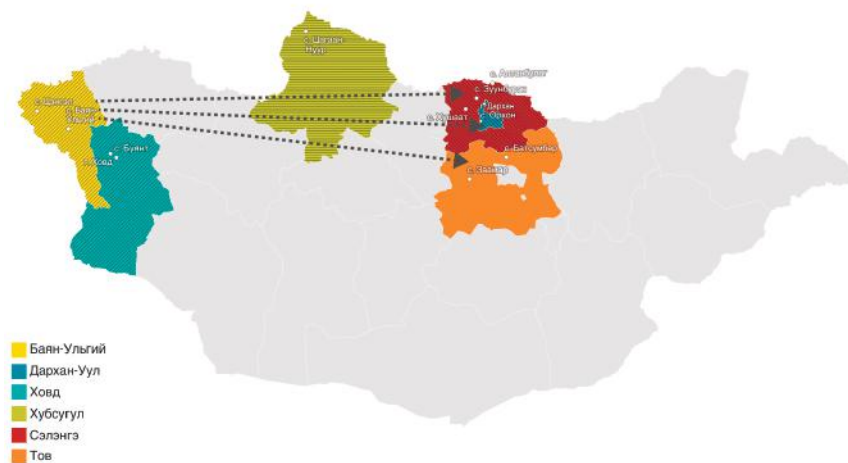

Рис. 1. Миграционные процессы
Fig. 1. Migration processes

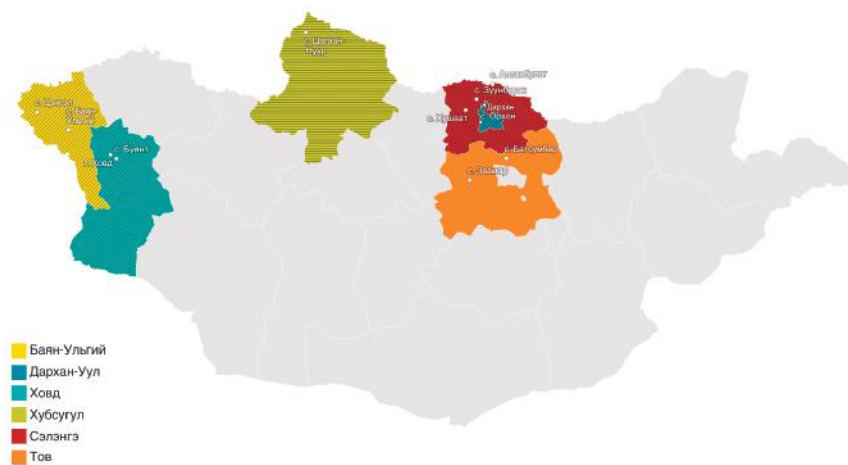

Рис. 2. Современное расселение тувинцев Монголии
Fig. 2. Modern distribution of Tuvans in Mongolia